

DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2025.4.5>

UDC 811.161.1'271.16

LBC 81.411.2-006

Submitted: 30.03.2025

Accepted: 05.06.2025

MASS CULTURE IRONY: RUSSIAN REFUSAL/OBJECTION IRONIC SPEECH CLICHES WITH REGARD TO THE CATEGORY OF POLITENESS¹

Natalia G. Bragina

Pushkin State Russian Language Institute, Moscow, Russia

Abstract. The paper examines Russian refusal/objection ironic cliches and their functioning in speech communication. The author defines and characterizes the communicative situation of their use. It is proposed to divide individual and mass culture irony and to consider ironic cliches as a kind of the latter. The Russian refusal/objection ironic cliches realize face-threatening acts (FTA-s) twice. Firstly, they refer to refusal/objection, and secondly, they express mockery, ridicule. They belong to the conceptual field of anti-politeness. The paper discusses the regularities of their formation: hyperbolization and simultaneous existence in two moduses: truth and lie, i.e. saying "yes," I do not hide my "no." The author describes the role relations between the speaker and the addressee in typical situations of an ironic reaction to a request/assumption. The analysis of about three hundred examples shows that the speaker expresses or establishes asymmetric relations with the addressee. The scrutiny resulted in identifying the time period when refusal/objection ironic cliches appeared in modern Russian. The paper also highlights the strategies for their translation into English. It is suggested that the speech cliches of refusal/objection are culturally specific and that the pragmatics of their use can be correlated with the laughter culture of ancient Russia.

Key words: ironic speech cliches, mass culture irony, category of politeness, communicative situation, role relations, speech expression.

Citation. Bragina N.G. Mass Culture Irony: Russian Refusal/Objection Ironic Speech Cliches with Regard to the Category of Politeness. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2. Yazykoznanie* [Science Journal of Volgograd State University. Linguistics], 2025, vol. 24, no. 4, pp. 53-65. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2025.4.5>

УДК 811.161.1'271.16

ББК 81.411.2-006

Дата поступления статьи: 30.03.2025

Дата принятия статьи: 05.06.2025

МАССКУЛЬТУРНАЯ ИРОНИЯ: РУССКИЕ ИРОНИЧЕСКИЕ РЕЧЕВЫЕ КЛИШЕ ОТКАЗА / ВОЗРАЖЕНИЯ В АСПЕКТЕ КАТЕГОРИИ ВЕЖЛИВОСТИ¹

Наталья Георгиевна Брагина

Государственный институт русского языка им. А.С. Пушкина, г. Москва, Россия

Аннотация. Статья посвящена ироническим клише отказа / возражения и особенностям их функционирования в речевой коммуникации. Дано определение и описана коммуникативная ситуация их использования. Предложено разделять индивидуальную и масскультурную иронию и понимать иронические клише как разновидность последней. Показано, что они дважды ликоугрожающие: отказ / возражение и насмешка, издевательство. Это позволяет включать их в понятийное поле антивежливости. К закономерностям образования таких клише отнесены: использование высокой степени признака (гиперболизация); одновременное существование в двух модусах: истины и лжи (говоря «да», я не скрываю своего «нет»). Охарактеризованы ролевые отношения между адресантом и адресатом в типичных ситуациях иронической реакции на просьбу / предположение: адресант выражает или устанавливает асимметричные отношения с адресатом. На основе результатов анализа установлен временной период появления в современном русском языке иронических

клише отказа / возражения. Выделены стратегии их переводов на английский язык. Высказано предположение о культурной специфичности речевых клише отказа / возражения и о том, что прагматика их употребления может быть соотнесена со смеховой культурой Древней Руси.

Ключевые слова: иронические речевые клише, масскультурная ирония, категория вежливости, коммуникативная ситуация, ролевые отношения, речевая экспрессия.

Цитирование. Брагина Н. Г. Масскультурная ирония: русские иронические речевые клише отказа / возражения в аспекте категории вежливости // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2, Языкознание. – 2025. – Т. 24, № 4. – С. 53–65. – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2025.4.5>

Введение

Иронический взгляд на миропорядок противопоставлен серьезному взгляду на культуру и ее развитие. Иронию можно определить как культурную апофатику: неслучайно с ней связывают понятие контркультуры. Будучи важным культурно-языковым явлением, ирония становится объектом наблюдения и изучения.

Наиболее изученными называются такие аспекты иронии, как исторический; функциональный (доминанта художественного направления); ирония в художественном методе, в структуре комического; ирония в межличностном общении: бытовом, педагогическом, политическом и др. [Пивоев, 2017]. Исторический аспект иронии от античности до XX в. рассматривается в лингвистической работе [Шилихина, 2014]. Ирония характеризуется по предметным областям: в философии, в этике, в литературоведении, в семиотике, в лингвистике.

По мнению некоторых исследователей, иронии свойственна элитарность: она опознается не всеми, и для ее понимания требуется умение считывать смысл, так как в ней юмор маскируется под серьезность [Зубков, Лисик, 2020; Осокин, 2019]. Если полагать, что элитарность противопоставлена массовости – толкование слова *элитарный* как ‘лучший’ содержит такие импликации, – то в отношении апроприрующей иронию современности, масскультурной по своему характеру, возникает определенное противоречие. Это противоречие может быть разрешено, если допустить существование двух видов иронии: а) индивидуальной, авторской; б) масскультурной.

Дэвид Фостер Уоллес в эссе «E Unibus Pluram» отмечал, что ирония из метода контркультурной борьбы превратилась в явление массовой культуры [Wallace, 1993]. В одном из интервью он также заметил, что ирония постмодерна стала всеобщим окруже-

нием. С работами Уоллеса принято связывать понятие постиронии, а также концепцию «новой искренности».

Тенденция масскультурной апроприации иронии в России стала заметна уже в начале 90-х гг. XX в., когда в массмедиа начал активно использоваться стёб, в интонации которого ирония становится одной из ведущих составляющих [Дубин, 2001, с. 170].

В употребление слово *стёб* вошло в конце 80-х – начале 90-х гг. XX века. Национальный корпус русского языка фиксирует самое раннее его использование 1992 годом. Разные толковые словари снабжают *стёб* пометами *жаргонное* или *сленг*, то есть относят его к субстандарту и определяют как: ‘ирония, насмешка’ (БТС, с. 1264); ‘легкая или язвительная насмешка, ирония’ (ТСРРР, с. 306–307).

Социолог Б.М. Дубин характеризует стёб как «разновидность публичного интеллектуального эпатажа, который состоит в провокационном и агрессивном, на грани скандала, снижении любых символов других групп... через подчеркнутое использование этих символов в несвойственном им, пародийном или пародическом контексте, составленном из стереотипов двух (точнее, как минимум двух) разных лексических и семантических уровней, рядов» [Дубин, 2001, с. 163]. Он отмечает «быстроту передачи «стёбового» образца словесного поведения» и «первичную массовизацию стёба как нового “всеобщего” языка» [Дубин, 2001, с. 166]. Культурную роль носителей стёба он описывает не как инновационную, а как эпигонскую в социологическом смысле [Дубин, 2001, с. 170], отмечая в целом деиндивидуализированный характер стёба [Дубин, 2001, с. 172]. Если согласиться с такой характеристикой стёба, то его можно рассматривать как одно из проявлений масскультурной иронии.

С появлением социальных сетей общая тенденция апроприации иронии массовой куль-

турой усилилась, в частности возникли новые интернет-жанры постфольклора, воспроизводящие иронический взгляд на мир: пирожки, порошки [Ковшова, Кронгауз, 2024], демотиваторы, аткрытки, стишки паблика «Вижу рифмы» и др. Интересное развитие получили коммеморативные практики. В 90-х гг. XX в. был установлен памятник Чижику-Пыжику. Это стало началом массовой установки в разных городах игровых, иронических памятников, что привело к модификации самого понятия памятника [Брагина, 2024a].

Таким образом, примерно со второй половины XX в. ирония, которую А. Блок в 1908 г. назвал «болезнью личности, болезнью индивидуализма» [Блок, 1962, с. 349], становится одной из важных составных частей масскультуры, серийно тиражируемой в разных дискурсивных практиках. Для современной коммуникации, включая речевую коммуникацию, характерно сосуществование двух видов иронии: авторской, индивидуальной и масскультурной, стереотипной.

В отличие от авторской масскультурная ирония предсказуема, а ироническая реакция на определенную коммуникативную ситуацию / класс ситуаций стереотипна. При воспроизводстве иронической реакции появляется возможность использовать определенные «заготовки»: вербальные, визуальные, вербально-визуальные и др. В речевой коммуникации такими «заготовками» становятся иронические речевые клише.

Результаты и обсуждение

Иронические речевые клише как один из видов масскультурной иронии

Иронические клише являются одним из видов речевых клише [Брагина, 2023]. Под *ироническими речевыми клише* будем понимать сформированные при помощи иронии / насмешки одно- и многословные диалогические единицы, устойчиво и стереотипно воспроизводимые, выступающие (как правило) в качестве ответной реплики, прагматически связанные с конкретным речевым актом, с конкретным классом коммуникативных ситуаций.

Иронические речевые клише лишены таких качеств живой иронии как: двусмысленность, спонтанность, создающая «эффект не-

тривиальной комбинации языковых единиц в высказывании» [Шилихина, 2014, с. 98]. Комбинация языковых единиц в них тривиальна: они стереотипны, конструируются по определенным моделям, воспроизводятся в готовом виде и не содержат новизны.

Разграничение авторской, индивидуальной и масскультурной иронии, как кажется, снимает дискуссионный вопрос о том, можно ли речевые клише, используемые как реакции на просьбу, например: *А больше ты ничего не хочешь? Держи карман шире!* – относить к ироническим.

О.П. Ермакова, отмечая «грубоватость» подобных единиц, рассматривала их как особый тип иронических высказываний [Ермакова, 2005, с. 33]. И.А. Шаронов, описывая насмешку и иронию, также характеризовал их как насмешливые и/или иронические [Шаронов, 2004]. Этой же точки зрения придерживается К.М. Шилихина [Шилихина, 2024].

Напротив, И.Б. Шатуновский такие единицы не относил к сигналам иронии (термин Вайнриха [Вайнрих, 1987, с. 79]). Он определял их как иронические, исключительно исходя из их происхождения, полагая, что живая ирония в них отсутствует. Фраза *А больше ты ничего не хочешь?* – это прямой и недвусмысленный отказ [Шатуновский, 2007, с. 344].

Иронические клише, относимые к масскультурной иронии, лишены свойств индивидуальной (живой) иронии, но они сохраняют в себе интенцию насмешки и используются для осмеяния, издевательства. Собственно смеховой эффект также трансформируются в экспрессию и служат для выражения конфликтного антивежливого поведения. Это, в частности, подтверждает собранная нами на основе Национального корпуса русского языка (НКРЯ) коллекция примеров общим объемом около 200 единиц.

Отличие авторской, живой иронии от масскультурной, передаваемой при помощи клише, можно проиллюстрировать диалогом Остапа Бендера с беспризорным:

(1) В половине двенадцатого с северо-запада, со стороны деревни Чмаровки, в Старгород вошел молодой человек лет двадцати восьми. За ним бежал беспризорный. Дядя! – весело кричал он. Дай десять копеек! Молодой человек вынул из кармана налитое яблоко и подал его беспризорному, но тот не отставал. Тогда пешеход остановился, **ироничес-**

ки посмотрел на мальчика и воскликнул: **Может быть, тебе дать еще ключ от квартиры, где деньги лежат?** Зарвавшийся беспризорный понял всю беспочвенность своих претензий и немедленно отстал (Ильф И.А., Петров Е.П. Двенадцать стульев).

Фраза, которую произносит Остап Бендер и которая впоследствии стала крылатой, превратившись в клише, в данной коммуникативной ситуации – пример авторской иронии, причем недвусмысленной. Беспризорный воспринимает ее однозначно как отказ, меняя свое поведение, то есть прекращая назойливые просьбы. Если бы Бендер ответил мальчику: *Держи карман шире*, то, вероятнее всего, фраза имела бы тот же эффект, но ее при этом нельзя считать авторской: она стереотипна. Это – пример маскультурной иронии, выраженной при помощи речевого клише отказа.

Являясь коммуникативными ироническими «заготовками» и выступая как продукт маскультуры, такие клише позволяют любому носителю языка безотносительно к его способности иронизировать примерить на себя маску ироника.

Функционирование речевых клише при спонтанном экспрессивном отказе / возражении в аспекте категории вежливости

Экспрессивные спонтанные отказы / возражение, выраженные речевыми клише, могут подразделяться на прямые и иронические. Общая коммуникативная ситуация подразумевает, что ‘адресант (тот, кто отказывает / возражает) в эмоциональной форме выражает либо нежелание исполнить просьбу / требование адресата, либо несогласие с тем, что он сказал’.

При прямом отказе / возражении объектом эмоционального реагирования становится просьба / предположение адресата. Отказ / возражение выражается с помощью клише: *Нетушки! И не подумаю! Ни за что! И речи быть не может (!) Избавь(те) (!) Уволь(те) (!), Как бы не так (!) Ничего подобного (!)*.

При отказе-отношении / возражении-отношении объектом эмоционального реагирования становится не только просьба / предположение, но также и личность самого адресата, который подвергается осмеянию. Например, использу-

ются клише: *Спешу и падаю (!) Разбежался (!) Слуга покорный (!)*. При отказе-отношении адресант демонстрирует превосходство над адресатом. Допуская насмешку, издевку он выражает неуважение к собеседнику.

Отказ-отношение / возражение-отношение воплощают в себе модель речевой агрессии, коррелирующей с грубостью. Уже сама ситуация отказа создает угрозу социальному лицу адресата: в некоторых культурах принято в случае отказа употреблять максимально смягченные формы. Здесь же в дополнение к собственно отказу происходит также ироническое воздействие на социальное лицо адресата. Иронические клише, таким образом, являются дважды ликоугрожающими: отказ / возражение и насмешка, издевательство. Наряду с императивными речевыми клише [Брагина, 2024б] и репликами-повторами [Брагина, Шаронов, 2019] они могут быть включены в понятийное поле антивежливости, подразумевающей сознательное нарушение правил вежливого общения. С их помощью адресант выражает или устанавливает асимметричные отношения с адресатом – объектом иронической реакции. Ср.:

(2) – Ты чё, не врубаешься, что ли? Говорю же: спешу! Деньги давай! – Конечно, **разбежался** прям... (Ошевнев Ф.М. Записки букиниста // Ковчег);

(3) – Купи мне однокомнатную. Или эту разменяю. – Ага, **размечтался**, – ответила Зоя в тон ему (Мясников В.А. Водка);

(4) [Илья (муж, 33)] Уходи, говорю! [Антон (муж, 18)] спокойно Сейчас. Уйду. **Шнурки поглажу**. Может, мне тут понравилось. Бей, если хочешь. Не пойду (Коляда Н.В. Рогатка);

(5) Неужели вы не хотите со мной выпить из-за этой несчастной кровати? Будь она проклята! Да что вы! – воскликнул я. – Я о ней давно забыл! **Так я и поверил**, – заметил он скептически, – но что делать! (Искандер Ф.А. Муки совести, или Байская кровать).

В собранной нами коллекции насчитывается более сорока иронических речевых клише отказа / возражения, формирующих понятийное поле антивежливости и около трехсот словоупотреблений, извлеченных из Национального корпуса русского языка.

Следует при этом оговориться, что иронические клише также могут не выражать агрессии, маркируя критическое отношение к самому себе (самокритика) или неформаль-

ное дружеское общение. Это – общее правило смягчения отрицательной оценки у лексических единиц при адресации: 1) к самому себе – *Я шоколадный заяц, я ласковый мерзавец* (Фадеев М., Секачева И. Шоколадный заяц); – *Господи, какая я идиотка!*; 2) к близкому человеку – *Ну, собака, не забывайся. Помни, что ты моя жена и что я могу тебя каждый день через полицию вытребовать.* (Чехов А.П. Письмо Книппер-Чеховой О.Л., 1 и 2 февраля 1903 г. Ялта).

Смягченное употребление иронических клише можно проиллюстрировать следующими примерами, ср.:

(6) Ну да, взяла авиакомпания кредит у банка, который ходил в любимчиках у министра финансов, взяла под небольшой процент – так ведь и этот процент нынче не отдашь! Думали – за год отобьем. Как же, **размечтался!** И на кой ляд нам теперь новые самолеты? (Кантор М.К. В ту сторону);

(7) Только хозяину этой лошади какое дело до наших тигров?! На чем он завтра хлеб развозить будет? Может, лучше попросить? – с надеждой спросил Ионис. А вдруг продадут? Ага, **держи карман шире**, продадут! Догонят и еще добавят, – сказал я убежденно (Запашный В.М. Риск. Борьба. Любовь).

В первом примере присутствует самоирония, во втором – приводится фрагмент разговора между друзьями.

Образование иронических речевых клише отказа / возражения

Отмечаемые философами и лингвистами общие свойства иронии отражены в некоторых закономерностях образования иронических клише. Во-первых, это – использование высокой степени признака: ирония не любит умеренности [Витгенштейн, 2018]. В речи она может быть в самом обозначении признака (*Гений! Прекрасно! Чудный!* и т. п.), но часто выражается сочетанием с интенсификаторами (*Очень мило! Потрясающе интересный!*) [Ермакова, 2016, с. 138]. Во-вторых, ирония одновременно существует в двух модусах: истины и лжи. «Ирония в отличие от обмана не просто скрывает истину, но и выражает ее... Сущность иронии заключается в том, что я, говоря “да”, не скрываю своего

“нет”, а именно выражаю, выявляю его» [Лосев, 1966, с. 73]. «В иронии истина и ложь не составляют противоположности» [Вайнрих, 1987, с. 76].

Рассмотрим общие закономерности образования иронических речевых клише отказа / возражения.

Закономерность 1. ‘Гиперболизированное и, как его следствие, абсурдное «да» означает «нет»’, ср.:

А. ‘Гиперболизованная демонстрация адресантом усердия и скорости выполнения просьбы или готовности мгновенно согласиться с предположением’: *Бегу и спотыкаюсь; Спешу и падаю; Все дела брошу; Ну уж завтра; Только / Ща шнурки поглажу; Ща / Щас; Только штаны подтяну; Так я и + глагол прош. времени (сказал / спел / ответил); Разбежался; Разлетелся; Разогнался.*

Б. ‘Гиперболизованная демонстрация адресантом желания, твердого намерения выполнить просьбу, благодарность за просьбу или готовность мгновенно согласиться с предположением’: *Благодарю покорно / покорно благодарю (!); Всю жизнь мечтал(а) (!); Как же (!); Очень надо / нужно (!); Слуга покорный (!).*

В. ‘Совет адресату тщательно подготовиться к исполнению просьбы: гиперболизация действия, сопровождающего такую подготовку’: *Держи карман (шире) (!) Ищи дурака (!).*

Закономерность 2. ‘Вопрос: может быть предупредительно вежливым, но косвенно указывающим на чрезмерность просьбы или нереалистичность предположения, что означает несогласие’, ср.: *Мечты, мечты, где ваша сладость? Шутить изволите? Самый Х (умный, хитрый, крутой смелый...), (да?) А больше ты ничего не хочешь? А морда (рожа) не треснет? А не сплывется?*

Закономерность 3. ‘Утверждение: могут использоваться слова с образной семантикой, указывающие на чрезмерность просьбы или нереалистичность предположения, что означает несогласие’, ср.: *Еще чего захотел (!) Жирно будет (!) Нашли дурака (!) Размечтался (!) Раскатал губы / губищи (!) Хорошего понемножку (!)*

В группе примеров, иллюстрирующих закономерность 1, адресат в отношении адресанта демонстрирует беспрекословную сверх-услужливость (А); экзальтированную

благодарность, поддерживаемую восклицанием интонацией (Б); заинтересованность в результате, поддерживаемую (абсурдным) советом (В). В примерах, реализующих закономерность 2, адресат по отношению к просьбе / предположению адресанта проявляет выраженный в форме вопроса скепсис. В примерах, выражающих закономерность 3, адресат передает с помощью речевых клише легкое возмущение.

Иронические клише, таким образом, придают высказыванию экспрессию, основанную на комическом эффекте. Они используются для выражения пренебрежительного отношения адресанта как к самой просьбе / самому предположению, так и к адресату. Пренебрежение выражается не прямо, а под разными масками, что согласуется с общими свойствами театрализованности и диалогичности иронии. Ирония рассматривается как языковая мистификация, при которой иронизирующий надевает разные маски: глупца, невежды, наивного и доверчивого человека, подлого, глупо-восторженного и другие [Ермакова, 2007, с. 226]. Соответственно иронические клише участвуют в создании образа человека определенного психотипа.

***Иерархические отношения
между адресантом и адресатом
в ситуации иронической реакции
в ответ на предположение / просьбу***

Исходно ролевые отношения между адресантом и адресатом могут соответствовать (объективно или ситуативно) разным позициям в разных иерархиях, например: начальник – подчиненный (административная иерархия); старший – младший (возрастная иерархия); абьюзер – жертва абьюза (психологическая иерархия) и др.

Также адресант и адресат могут находиться в равных позициях, например: одноклассники, приятели, коллеги по работе и др.

Рассмотрим разные ролевые отношения между адресантом и адресатом в типичных ситуациях иронической реакции на просьбу / предположение.

1. Если адресатом является лицо, занимающее более низкую позицию в иерархии (административной, возрастной, психологичес-

кой и т. д.) или как-либо иначе зависимое от адресанта, то ироническая реакция выражает превосходство адресанта над адресатом. Могут включаться такие поведенческие стратегии как издевательство, глумление. Разговор идет «сверху – вниз». Адресант ставит адресата на место: «всяк сверчок знай свой шесток», ср.:

(8) Наталья (*размышляет*). Вообще это идея... Пиф-паф – и никаких проблем!.. Стреляет, и с кровли на стол начинает течь вторая струйка. Скуляев (*с беспокойством и надеждой*). Ты так весь барабан расстреляешь... Наталья (*жестко*). **Размечтался!.. Смеется**, Шахову. Пойди, Миха, сядь к столу, выпей с ним посюсю на дорожку!.. (Волков А.А. Ликвидаторы // Звезда. 2001).

Общую коммуникативную ситуацию можно охарактеризовать следующим образом: ‘Я считаю твоё предположение не соответствующим реальному положению дел, твою просьбу – дерзкой. Своё отношение я выражаю с помощью иронической реакции, которая может быть оскорбительной для тебя и которая показывает мою готовность игнорировать тебя и/или твоё высказывание’.

2. Если адресатом является лицо, занимающее более высокую позицию в иерархии (административной, возрастной, психологической и т. д.) и/или адресант иначе зависит от адресата, то ироническая реакция выражает протестное, дерзкое поведение. Разговор идет «снизу – вверх». Вопреки установленным нормам или сложившимся обстоятельствам адресант демонстрирует свой протест, свою независимость от адресата, ср.:

(9) – Катя, очень хорошо, что ты пришла, – бодро продолжил дядя Митя. – Ты вот что, ты нам картошечки свари. <...> Катю даже затрясло от бешенства. – Сейчас, **разбежалась!** – сладострастно прошептала она. – Картошечки ему... А ну – вон! Все – вон! – **Ну и молодежь нынче пошла**, – скорбно заговорил Колян (Тренина Т.М. Никогда не говори «навсегда»).

Общую коммуникативную ситуацию можно охарактеризовать следующим образом: ‘Вопреки твоим ожиданиям я не чувствую к тебе почтения, уважения и не считаю, что у меня есть какие-либо обязательства перед тобой. Своё отношение я выражаю с помо-

стью иронической реакции, которая может быть оскорбительной для тебя и которая показывает мою готовность игнорировать твое высказывание’.

3. Если адресант и адресат находятся на равнозначных позициях, то есть вне создаваемых иерархиями отношений, то ролевая иерархия устанавливается ситуативно. Ироническая реакция означает, что адресант в силу разных причин в данной ситуации занимает более высокую позицию. Адресант урезонивает адресата, ср.:

(10) – Дашь почитать? – **Счас! Разбежался!** Ты мне «Девятнадцать девять» отдал?! (Эппель А.И. Кастрировать Кастрюльца! // Знамя. 2002).

Общую коммуникативную ситуацию можно охарактеризовать следующим образом: ‘Основываясь на знании ситуации и/или опыте общения с тобой, я считаю твое предположение неправомерным, твою просьбу чрезмерной. Свое отношение я выражаю иронической реакцией, которая показывает мою готовность игнорировать твое высказывание’.

**Функционирование иронических
речевых клише отказа / возражения
во второй половине XX века.
«Ирония» и «глум» в русской
смеховой культуре**

Определение иронических речевых клише как разновидности масскультурной иронии ставит вопрос о времени их появления в современном русском языке.

Национальный корпус русского языка показывает, что употребление иронических речевых клише отказа / возражения в основном фиксируются с середины XX века. В более ранних текстах большинство из них вообще не встречается. Некоторые употребляются эпизодически, например, первой фиксацией в НКРЯ отмечены такие клише: *Нашли дурака* – 1853 г.; *Жирно будет* – 1853 г.; *Держи карман шире* – 1880 г.; *Еще чего захотел* – 1902 г.; *Благодарю покорно* – 1864 г. (первое ироническое употребление). Таким образом, использование иронических речевых клише отказа / возражения – относительно новое явление. Это согласуется с мнением

лингвистов и антропологов, утверждающих что в XX в. насыщенность повседневной жизни элементами игры-насмешки увеличилась по сравнению с XVIII и XIX вв. [Мечковская, 2007, с. 143].

Как отмечалось выше, иронические клише отказа / возражения отражают антивежливую коммуникацию. Используемые при них интерпретирующие предикаты описывают отрицательные эмоциональные реакции: смех, злость, раздражение, отвращение; негативные поведенческие реакции: грубость, противодействие и др. Ср.: *хихикнуть*; *оскаблиться*; (*зло / раздраженно*) *фыркнуть*; *съехидничать*; *проворчать*; *поморщиться*; *процедить сквозь зубы*; *грубо ответить*; *подхватить запальчиво*; *с отвращением перебить*; *кричать*; *выкрикнуть*; *оспорить*; *отразить неожиданную атаку*; *заметить скептически* и др.

Хотя использование иронических речевых клише для выражения негативной реакции, как показывает наш материал, – явление сравнительно новое, прагматика их употребления: «иронизирование с некоторым издевательством» [Лосев, 1966, с. 73], – возможно, имеет определенное историческое обоснование. Она может быть связана с русской смеховой культурой, с особенностями вербального поведения, обозначавшегося в древнерусском языке с помощью слова *глум*. Рассмотрим смысловые пересечения между словами *ирония* и *глум*.

Слово *ирония* заимствуется русским языком со второй четверти XVIII в. из западноевропейских языков. Позднее входят в употребление однокоренные слова: *иронический* (с 1892 г.), *иронизировать* (1880 г.) (Черных, с. 356). До появления *иронии* и ее дериватов в русском языке использовалось слово *глум* и его однокоренные слова. В их толкования входили семы: ‘смех’, ‘насмешка’, а также ‘бесстыдство, распутство’. «Словарь церковнославянского языка» (Дьяченко, с. 124) фиксирует слово *глоума* и несколько однокоренных слов. В словарях древнерусского языка словообразовательное гнездо представлено уже большим количеством единиц: *глоумити*, *глоумитиса*, *глоумица*, *глоумленик*, *глоумъ*, *глоумьникъ*, *глоумьць* (СДРЯ XI–XIV, с. 332–333). В «Сло-

варь русского языка XI–XVII вв.» помимо перечисленных выше единиц также включены: *глумецъ*, *глумитель*, *глумительнѣ*, *глумленникъ*, *глумный*, *глумотворец* (СлРЯ XI–XVII, с. 36–38). Толкования слов с корнем *-глум-* в этих словарях содержат семантические компоненты: ‘скоморох’, ‘скоморошничать’, ‘лицедействовать’, ‘насмешка’, ‘издевательство’, ‘оскорбление’, ‘бесчестье’, ‘непристойность’ и др.

Ирония вытесняет слово *глум*, которое в современном русском языке используется редко. Однокоренные слова: *глумиться*, *глумление*, *глумливый*, *глумливость*, – продолжают употребляться. Они характеризуют агрессивное (речевое) поведение, связанное с осмеянием. В описание их семантики входят семы ‘злость’, ‘насмешка’, ‘издевательство’. Эти же компоненты могут включаться и в коннотативное поле *иронии*. В национальном корпусе сочетаемость слова *ирония* с прилагательными: *злая*, *убийственная*, *едкая*, *жестокая* и др. имеют высокую частотность. Таким образом, существуют определенные смысловые пересечения (на семантическом и коннотативном уровне) между сравнительно поздним заимствованием *ирония* и имеющем долгую историю употребления в русском языке словом *глум*, у которого есть родственные слова во многих славянских языках.

Возможно, плохая переводимость на некоторые языки иронических речевых клише отказа / возражения связана с их культурно-исторической близостью к той модели вербального поведения, которая играла важную роль в смеховой культуре Древней Руси и которая выражалась словом *глум*.

Переводы на английский язык русских иронических речевых клише отказа / возражения

Вопрос о переводимости иронии относится к дискуссионным. И.Б. Шатуновский полагал, что ирония в общем случае переводима, если иметь в виду языки средневропейского стандарта [Шатуновский, 2007, с. 340]. Существует, однако, устойчивое представление о том, что юмор, ирония культурно специфичны и плохо переводятся. Например, социальный антрополог К. Фокс отмечает уни-

кальность английского юмора. Она связывает это с вездесущностью иронии и с тем значением, которое ей придают англичане. «Англичане рождаются в иронии», – цитирует она одного из «проницательных наблюдателей». Пристрастие англичан к иронизированию создает определенные проблемы иностранцам в деловой коммуникации [Fox, 2004, p. 65].

Общие принципы конструирования иронических высказываний в разных лингвокультурах могут совпадать. Это позволяет приписывать иронии определенную универсальность. Если же обратиться к конкретным коммуникативным ситуациям и стереотипным ироническим реакциям, то здесь совпадений будет меньше. В этой связи представляет интерес перевод иронических клише на английский язык, а также использование иронических клише в качестве переводных эквивалентов при переводе с английского языка на русский.

Анализ переводов речевых иронических клише (русско-английских – преимущественно, а также англо-русских) позволил выделить следующие группы, в которых отражена корреляция рассматриваемых единиц и их английских эквивалентов: 1) совпадение по смыслу и образности русских и английских единиц (см. табл. 1); 2) снятая ирония в переводе на английский язык (см. табл. 2); 3) использование переводных эквивалентов с другой образностью (см. табл. 3); 4) пропуск переводных эквивалентов (см. табл. 4). Рассмотрим примеры.

Из 33 найденных в параллельных корпусах примеров 4 относятся к первой группе (см. табл. 1), 23 – ко второй (см. табл. 2), 2 – к третьей (см. табл. 3), 4 – к четвертой (см. табл. 4). Принимая во внимание возможные погрешности и относительно небольшую выборку, все же можно утверждать, что количественно клише со снятой иронией доминируют в английских переводах. В них ироничность внутренней формы русских клише утрачивается, ср.: *Размечтался* – *Nah; get real*; *Разбежался* – *Not so fast*; *Благодарю покорно* – *Thanks; No thank you; Thank you very much*; *Держи карман шире* – *Nothing doing; No, sir; Don't be silly*; *Слуга покорный!* – *not I!*; *Очень надо* – *We don't want*; *Очень нужно!* – *I don't want* и др.

Таблица 1. Совпадение по смыслу и образности русских и английских единиц

Table 1. Concordance of meaning and imagery of Russian and English units

– Может, под праздник из Склада чего выдадут. – Ага. Держи карман шире. Им самим надо (Толстая Т.Н. Кысь)	“Maybe they’ll give out something from the Warehouse for the holiday.” “ Yeah, sure. Hold your pockets open. They need it for themselves” (Tolstaya, T. The Slynx. Transl. by J. Gambrell)
– С тобой и в пустом-то зале разговаривать жутковато, а уж ездить на мотоцикле – слуга покорный... (Савченко В.И. Алгоритм успеха)	“Talking to you in an empty room is a real pain in the ass, but if you’re offering me a lift on your cycle, I’m your humble servant ” (Savchenko V. Success Algorithm. Transl. by H. Saltz Jacobson)

Таблица 2. Снятая ирония в переводе на английский язык

Table 2. Eliminated irony in English translation

У меня сердце обмерло, я бы не пережила, если бы с вами что-то случилось! – Еще чего! – отвечал ей Оглоблин (Елизаров М.Ю. Библиотекарь)	My heart sank, I couldn’t have borne it if anything had happened to you! “ Ah, come off it! ” Ogloblin responded (Elizarov M. The Librarian. Transl. by A. Bromfield)
– Ну что же, вы тогда сфотографируете их с близкого расстояния. – Благодарю покорно! Если они захотят порезвиться на месте нашего привала, нам придется удирать в лес и лезть на деревья (Обручев В.А. Плутония)	“Well then, you’ll be able to photograph them at short range.” “ No, thank you! If they want to gambol about near our camp we’ll have to make off into the forest and climb trees” (Obruchev V. Plutonia. Transl. by B. Pearce)
– Остановится? – спросил кто-то. – Держи карман! Для каждого полка останавливаться! (Гаршин В.М. Из воспоминаний рядового Иванова)	“I wonder if he’ll stop?” someone said. “ Don’t be silly! Can you see him stopping for every blessed regiment?” (Garshin V. The Reminiscences of Private Ivanov. Transl. by B. Isaacs)
– Я когда-нибудь напишу про вас стихи. – Очень нужно! – фыркнул Незнайка (Носов Н.Н. Приключения Незнайки и его друзей)	“Some day I’ll write a poem about you.” “ I don’t want any of your poems, ” snorted Dunno (Nosov N. The Adventures of Dunno and his Friends. Transl. by M. Wettlin)

Таблица 3. Использование переводных эквивалентов с другой образностью

Table 3. Use of translation equivalents with other imagery

– Ты придешь! – кричит Кент мне вслед. – Уверен, что придешь. – Держи карман шире, – отзываюсь я, едва не добавив: «Так будет лучше» (Оливер Л. Прежде чем я упаду. Пер. А. Киланова)	“You’ll come,” he calls after me. “I know you will.” “ Don’t hold your breath, ” I call back, and I almost add, It’s better this way (Lauren Oliver L. Before I fall)

Таблица 4. Пропуск переводных эквивалентов

Table 4. Omission of translation equivalents

– Хороша критика. Всякая темная личность мне читает мораль. Благодарю покорно (Набоков В.В. Весна в Фиальте)	Fine criticism! Every slick jackanapes sees fit to read me a lecture. Ignorance of my work is their bliss (Nabokov V. Spring in Fialta. Transl. by P. Pertzov)
Ишо следит за вами: либо голову расшибете с наскоку. – Не дождетесь. Еще чего. Голова мне завтра понадобится (Трифонов Ю.В. Нетерпение)	“Am I to sit here and watch you in case you dash your head against the wall.” “You needn’t expect that. I need my head for tomorrow” (Trifonov Yu. The Impatient Ones. Transl. by R. Daglish)

Проведенный сравнительный анализ позволяет сделать предварительные выводы о том, что употребляемые при отказе или возражении русские иронические клише служат для выражения речевой экспрессии и могут расцениваться как антивежливые. Для английского речевого поведения такое использование иронии менее характерно. Вероятно, здесь можно говорить об определенной культурной специфичности русских иронических речевых клише, особенности функционирования которых, связаны со смеховой культурой Древней Руси.

Заключение

Лексикон антивежливости включает иронические речевые клише, используемые при спонтанном экспрессивном отказе / возражении. Они являются дважды ликоугрожающими: помимо собственно отказа / возражения выражают также насмешку над адресатом. В будущем предстоит выяснить роль маскультурной иронии в общем формировании клише и каталогизировать те из них, которые могут быть включены в понятийное поле антивежливости.

Важным вопросом остается установление времени появления иронических клише в современном русском языке. Есть основания полагать, что с середины XX в. характер диалога несколько изменился, в частности, иронические клише стали использоваться более регулярно.

Вопрос о культурной специфичности иронических клише также сохраняет свою значимость. В языках средневропейского стандарта у иронии можно выделить универсальные характеристики, однако ее выражение в речевых клише национальных языков, как кажется, культурно специфично.

Представляет интерес культурно-прагматическая этимология иронических речевых клише, попадающих в понятийное поле антивежливости. Есть вероятность, что они наследуют некоторые черты смеховой культуры Древней Руси, в которой насмешку выражало слово *глум*, семантическими компонентами значения которого были: 'насмешка', 'издевательство', 'оскорбление' и др.

Дальнейшее исследование антивежливости и ее вербального воплощения может дать

нетривиальные результаты, показав, что это — отдельная самостоятельная область, которая не является зеркальным антиподом вежливости.

ПРИМЕЧАНИЕ

¹ Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда «Лингвистические механизмы социального взаимодействия: категория вежливости в словаре и дискурсе», проект № 23-18-00238, <https://rscf.ru/project/23-18-00238/>

The reported study was funded by RSF “Linguistic mechanisms of social interaction: politeness in lexis and discourse”, Project 23-18-00238, <https://rscf.ru/en/project/23-18-00238/>

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Блок А., 1962. Ирония // Собрание сочинений : в 8 т. Т. 5. М. ; Л. : ГИХЛ. С. 345–349.
- Брагина Н. Г., 2023. Речевые клише: аспекты лингвистического изучения // Русский язык за рубежом. № 5. С. 10–15. DOI: 10.37632/PI.2023.300.5.001
- Брагина Н. Г., 2024а. Публичные памятники как игровое пространство // Горизонты коммуникативной лингвистики : сб. науч. тр., посвящ. юбилею проф. Ольги Аркадьевны Леонтович. Волгоград : ПринТерра-Дизайн. С. 80–93.
- Брагина Н. Г., 2024б. Категория вежливости: русские императивные речевые клише // Слово.ру: балтийский акцент. Т. 15, № 3. С. 219–233. DOI: 10.5922/2225-5346-2024-3-13
- Брагина Н. Г., Шаронов И. А., 2019. «Педагогическая» агрессия в русской бытовой коммуникации // Russian Journal of Linguistics. Т. 23, № 4. С. 975–993. DOI: 10.22363/2687-0088-2019-23-4-975-993
- Вайнрих Х., 1987. Лингвистика лжи // Язык и моделирование социального взаимодействия. М. : Прогресс. С. 44–87.
- Витгенштейн Л., 2018. Философские исследования. М. : АСТ. 352 с.
- Дубин Б. В., 2001. Клубный стёб и массовые коммуникации : К социологии культурного перехода // Слово — письмо — литература : очерки по социологии современной культуры. М. : НЛО. С. 163–174.
- Ермакова О. П., 2005. Ирония и ее роль в жизни языка. Калуга : Изд-во КГПУ им. К.Э. Циолковского. 204 с.
- Ермакова О. П., 2007. Ирония — ложь — шутка // Логический анализ языка. Языковые механизмы комизма. М. : Индрик. С. 219–229.

- Ермакова О. П., 2016. Интенсификаторы и деинтенсификаторы в контексте иронии // *Жанры речи*. № 1. С. 137–141. DOI: 10.18500/2311-0740-2016-1-13-137-141
- Зубков А. А., Лисик Т. В., 2020. Постирония как современное явление в отечественном интернет-пространстве // *Общество. Наука. Инновации* : сб. ст. XX Всерос. науч.-практ. конф. : в 2 т. Т. 1. Киров : Вят. гос. ун-т. С. 247–253.
- Ковшова М. Л., Кронгауз М. А., 2024. Смех не без причины. Язык и механизмы комического в новых жанрах интернет-поэзии. М. : Дискурс. 208 с.
- Лосев А. Ф., 1966. Ирония античная и романтическая // *Эстетика и искусство: из истории домарксистской эстетической мысли*. М. : Наука. С. 54–85.
- Мечковская Н. Б., 2007. Феномен «смешного» в речи, его языковые первоэлементы и внеязыковые механизмы // *Логический анализ языка. Языковые механизмы комизма*. М. : Индрик. С. 140–153.
- Осокин А. Н., 2019. Прогрессия наивного аспекта в трех формах иронической чувствительности: от эстетики Кэмп к феноменам Новой искренности и пост-иронии // *Культура и искусство*. № 10. С. 7–17. DOI: 10.7256/2454-0625.2019.10.31145
- Пивоев В. М., 2017. Ирония как феномен культуры. М. ; Берлин : Директ-Медиа. 112 с.
- Шаронов И. А., 2004. Приемы речевой агрессии: ирония и насмешка // *Агрессия в языке и речи*. М. : РГГУ. С. 38–52.
- Шатуновский И. Б., 2007. Ирония и ее виды // *Логический анализ языка. Языковые механизмы комизма*. М. : Индрик. С. 340–372.
- Шилихина К. М., 2014. Семантика и прагматика вербальной иронии. Воронеж : Наука-Юнипресс. 304 с.
- Шилихина К. М., 2024. Функционирование клише в ироническом дискурсе. // *Вестник РГГУ. Серия «Литературоведение. Языкознание. Культурология»*. № 8. С. 219–229. DOI: 10.28995/2686-7249-2024-8-219-229
- Wallace D. F., 1993. E Unibus Pluram: Television and U.S. Fiction // *The Review of Contemporary Fiction*. Vol. 13, № 2. P. 151–194.
- Fox K., 2005. *Watching the English: The Hidden Rules of English Behaviour*. Hodder. 583 p.

ИСТОЧНИК

НКРЯ – Национальный корпус русского языка. URL: <http://www.ruscorpora.ru>

СЛОВАРИ

- БТС – Большой толковый словарь русского языка / гл. ред. С. А. Кузнецов. СПб. : Норинт, 2000. 1536 с.
- Дьяченко – Дьяченко Г. М. Полный церковно-славянский словарь (со внесением в него важнейших древне-русских слов и выражений). М. : Тип. Вильде, 1900. XL, 1120 с.
- СДРЯ XI–XIV – Словарь древнерусского языка (XI–XIV вв.). В 10 т. Т. 2. М. : Рус. яз., 1989. 494 с.
- СлРЯ XI–XVII – Словарь русского языка XI–XVII вв. М. : Наука, 1977. Вып. 4. 403 с.
- ТСРПП – Толковый словарь русской разговорной речи / гл. ред. Л. П. Крысин. М. : Яз. слав. культуры, 2021. Вып. 4. 680 с.
- Черных – Черных П. Я. Историко-этимологический словарь современного русского языка : в 2 т. Т. 1. М. : Рус. яз., 1999. 624 с.

REFERENCES

- Blok A., 1962. Ironiya [Irony]. *Sobranie sochineniy: v 8 t. T. 5* [Collected Works. In 8 Vols. Vol. 5]. Moscow, Leningrad, GIKHL Publ., pp. 345–349.
- Bragina N.G., 2023. Rechevye klishe: aspekty lingvisticheskogo izucheniya [Speech Clichés: Aspects of Linguistic Study]. *Russkiy yazyk za rubezhom* [Russian Language Abroad], no. 5, pp. 10–15. DOI: 10.37632/PI.2023.300.5.001
- Bragina N.G., 2024a. Publichnye pamyatniki kak igrovoe prostranstvo [Public Monuments as a Ludic Space]. *Gorizonty kommunikativnoy lingvistiki: sb. nauch. trudov, posvyashh. yubileyu prof. Olgi Arkadyevny Leontovich* [Horizons of Communicative Linguistics. Collection of Scientific Papers Dedicated to the Anniversary of Prof. Olga Leontovich]. Volgograd, PrinTerra-Dizayn Publ., pp. 80–93.
- Bragina N.G., 2024b. Kategoriya vezhливosti: russkie imperativnye rechevye klishe [Category of Politeness: Russian Imperative Speech Clichés in Dialogue]. *Slovo.ru: baltiyskiy aktsent* [Slovo.ru: Baltic Accent], vol. 15, no. 3, pp. 219–233. DOI: 10.5922/2225-5346-2024-3-13
- Bragina N.G., Sharonov I.A., 2019. «Pedagogicheskaya» agressiya v russkoy bytovoy kommunikatsii [“Pedagogical” Agression in Russian Everyday Communication]. *Russian Journal of Linguistics*, vol. 23, no. 4, pp. 975–993. DOI: 10.22363/2687-0088-2019-23-4-975-993
- Vaynrikh Kh., 1987. Lingvistika lzhi [Linguistics of Lies]. *Yazyk i modelirovanie sotsialnogo vzaimodeystviya* [Language and Modeling Social Interaction]. Moscow, Progress Publ., pp. 44–87.

- Wittgenstein L., 2018. *Filosofskie issledovaniya* [Philosophical Research]. Moscow, AST Publ. 352 p.
- Dubin B.V., 2001. Kruzhkovyy styob i massovye kommunikatsii: K sotsiologii kulturnogo perekhoda [Circle Banter and Mass Communication: Toward a Sociology of Cultural Transition]. *Slovo – pismo – literatura: Ocherki po sotsiologii sovremennoy kultury* [Word – Writing – Literature: Essays on the Sociology of Contemporary Culture]. Moscow, NLO Publ., pp. 163-174.
- Ermakova O.P., 2005. *Ironiya i ee rol v zhizni yazyka* [Irony and Its Role in the Life of Language]. Kaluga, Izd-vo KGPU im. K. E. Tsiolkovskogo. 204p.
- Ermakova O.P., 2007. Ironiya – lozh – shutka [Irony Is a Lie Is a Joke]. *Logicheskii analiz yazyka. Yazykovye mekhanizmy komizma* [A Logical Analysis of Language. Language Mechanisms of Comic]. Moscow, Indrik Publ., pp. 219-229.
- Ermakova O.P., 2016. Intensifikatory i deintensifikatory v kontekste ironii [Intensifiers and Deintensification in Ironic Context]. *Zhany rechii* [Speech Genres], no. 1, pp. 137-141. DOI: 10.18500/2311-0740-2016-1-13-137-141
- Zubkov A.A., Lisik T. V., 2020. Postironiya kak sovremennoe yavlenie v oteshchestvennom internet-prostranstve [Post-Irony as a Modern Phenomenon in the Domestic Internet Space]. *Obshchestvo. Nauka. Innovatsii: sb. st. XX Vseros. nauch.-prakt. konf.: v 2 t. T. 1* [Society. Science. Innovations. Collection of Articles of the 20th All-Russian Scientific and Practical Conference. In 2 Vols. Vol. 1]. Kirov, Vyat. gos. un-t, pp. 247-253.
- Kovshova M.L., Krongauz M.A., 2024. *Smekh ne bez prichiny. Yazyk i mekhanizmy komicheskogo v novykh zhanakh internet-poezii* [Laughing for a Reason. Language and Mechanisms of the Comic in New Genres of Internet Poetry]. Moscow, Diskurs Publ. 208 p.
- Losev A.F., 1966. Ironiya antichnaya i romanticheskaya [Irony Ancient and Romantic]. *Estetika i iskusstvo: iz istorii domarksistskoy esteticheskoy mysli* [Aesthetics and Art: From the History of Pre-Marxist Aesthetic Thought]. Moscow, Nauka Publ., pp. 54-85.
- Mechkovskaya N.B., 2007. Fenomen «smeshnogo» v rechi, ego yazykovye pervoelementy i vneyazykovye mekhanizmy [The Phenomenon of “Funny” in Speech, Its Linguistic Primary Elements and Extra-Linguistic Mechanisms]. *Logicheskii analiz yazyka. Yazykovye mekhanizmy komizma* [A Logical Analysis of Language. Language Mechanisms of Comic]. Moscow, Indrik Publ., pp. 140-153.
- Osokin A.N., 2019. Progressiya naivnogo aspekta v trekh formakh ironicheskoy chuvstvitelnosti: ot estetiki Kempa k fenomenam Novoy iskrennosti i post-ironii [Progression of the Naive Aspect in Three Forms of Ironic Sensibility: From Camp Aesthetics to the Phenomena of New Sincerity and Post-Irony]. *Kultura i iskusstvo* [Culture and Arts], no. 10, pp. 7-17. DOI: 10.7256/2454-0625.2019.10.31145
- Pivoev V.M., 2017. *Ironiya kak fenomen kultury* [Irony as a Cultural Phenomenon]. Moscow, Berlin, Direct-Media Publ. 112 p.
- Sharonov I.A., 2004. Priemy rechevoy agressii: ironiya i nasmeshka [Techniques of Speech Aggression: Irony and Ridicule]. *Agressiya v yazyke i rechi* [Aggression in Language and Speech]. Moscow, RGGU, pp. 38-52.
- Shatunovskiy I.B., 2007. Ironiya i ee vidy [Irony and Its Types]. *Logicheskii analiz yazyka. Yazykovye mekhanizmy komizma* [A Logical Analysis of Language. Language Mechanisms of Comic]. Moscow, Indrik Publ., pp. 340-372.
- Shilikhina K.M., 2014. *Semantika i pragmatika verbalnoy ironii* [Semantics and Pragmatics of Verbal Irony]. Voronezh, Nauka-Yunipress Publ. 304 p.
- Shilikhina K.M., 2024. Funktsionirovanie klishe v ironicheskom diskurse [The Functioning of Clichés in Ironic Discourse]. *Vestnik RGGU. Seriya «Literaturovedenie. Yazykoznanie. Kulturologiya»* [RSUH/RGGU Bulletin: “Literary Theory. Linguistics. Cultural Studies”, Series], no. 8, pp. 219-229. DOI: 10.28995/2686-7249-2024-8-219-229
- Brown P., Levinson S., 1987. *Politeness. Some Universals in Language Usage*. Cambridge, CUP. 345 p.
- Wallace D.F., 1993. E Unibus Pluram: Television and U.S. Fiction. *The Review of Contemporary Fiction*, vol. 13, no. 2, pp. 151-194.
- Fox K., 2005. *Watching the English: The Hidden Rules of English Behaviour*. Hodder. 583 p.

SOURCE

Natsionalnyy korpus russkogo yazyka [Russian National Corpus]. URL: <http://www.ruscorpora.ru>

DICTIONARIES

- Kuznetsov S.A., ed. *Bolshoy tolkovyy slovar russkogo yazyka* [Large Explanatory Dictionary of the Russian Language]. Saint Petersburg, Norint Publ., 2000. 1536p.
- Dyachenko G.M. *Polnyy tserkovno-slavyanskiy slovar (so vneseniem v nego vazhneyshikh*

- dreve-russkikh slov i vyrazheniy*) [The Complete Church Slavonic Dictionary (With the Addition of the Most Important Old Russian Words and Expressions)]. Moscow, Tip. Vilde, 1900. XL, 1120 p.
- Slovar drevnerusskogo yazyka (XI–XIV vv.): v 10 t. T. 2* [Dictionary of the Old Russian Language (11th – 14th c.). In 10 Vols. Vol. 2]. Moscow, Rus. yaz. Publ., 1989. 494 p.
- Slovar russkogo yazyka XI–XVII vv.* [Dictionary of the Russian Language of the 11th – 17th c.]. Moscow, Nauka Publ., 1977, iss. 4. 403 p.
- Krysin L.P., ed. *Tolkovyy slovar russkoy razgovornoj rechi* [Explanatory Dictionary of Russian Colloquial Speech]. Moscow, Yaz. slav. kultury Publ., 2021, iss. 4. 680 p.
- Chernykh P.Ya. *Istoriko-etimologicheskii slovar sovremennogo russkogo yazyka: v 2 t. T. 1* [Historical-Etymological Dictionary of the Modern Russian Language. In 2 Vols. Vol. 1]. Moscow, Rus. yaz. Publ., 1999. 624 p.

Information About the Author

Natalia G. Bragina, Doctor of Sciences (Philology), Professor, Department of Russian Literature and Intercultural Communication; Head of the Laboratory for Research of Speech Communication and Category of Politeness, Pushkin State Russian Language Institute, Moscow, Russia, NGBragina@pushkin.institute, <https://orcid.org/0000-0002-0281-2067>

Информация об авторе

Наталья Георгиевна Брагина, доктор филологических наук, профессор кафедры русской словесности и межкультурной коммуникации; заведующая лабораторией исследований речевой коммуникации и категории вежливости, Государственный институт русского языка им. А.С. Пушкина, г. Москва, Россия, NGBragina@pushkin.institute, <https://orcid.org/0000-0002-0281-2067>